
АНТРОПОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

РУСИНА Юлия Анатольевна
кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории России
Уральского федерального университета
Екатеринбург, Россия
Yulia A. ROUSINA
Cand. Sci. (National History),
Assoc. Prof., Department of Russian History,
Ural Federal University
Yekaterinburg, Russian Federation
iulia.rusina@urfu.ru

ЯНЦЕВИЧ Евгений Сергеевич
магистрант 2 года обучения
кафедры истории России,
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия
Evgenii S. IANTSEVICH
Graduate student (History of Russia),
Department of Russian History,
Ural Federal University
Yekaterinburg, Russian Federation
holden95@mail.ru

УДК [94(470)“1991...”:378.18]:303.621.32(470.54-25)
ГРНТИ 03.23.55
ВАК 07.00.02

**Студенческое бытие в «лихие
1990-е»: по материалам устных
интервью преподавателей
исторического факультета
Уральского федерального
университета¹**

**Students' Everyday Life
in the “Dashing 1990s”: Based
on Oral Interviews with Lecturers
of the Faculty of History
of the Ural Federal University**

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Фонда «Президентский центр Б. Н. Ельцина» в рамках проекта «Социальная история России (1990-е годы)».

Данное исследование посвящено периоду 1990-х гг., оказавшему влияние на многие процессы в современном российском обществе. История повседневности первого постсоветского десятилетия, в силу небольшой хронологической дистанции, перспективна для изучения в рамках устно-исторического дискурса. Цель статьи – опираясь на методику устной истории, выявить особенности повседневной жизни студенчества Уральского государственного университета им. Горького (ныне – Уральский Федеральный университет) в 1990-е гг. Источниковой основой послужили 10 глубинных интервью преподавателей исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького (УрГУ, ныне – Уральский Федеральный университет), обучавшихся в данном вузе в изучаемый период. Важной представляется задача вовлечения в научную практику материалов интервьюирования участников событий, обладающих значительным информационным потенциалом, который позволяет рассмотреть широкий спектр вопросов: от общих социально-политических проблем до учебных и бытовых подробностей жизни постсоветского студенчества.

Ключевые слова: 1990-е гг., Средний Урал, Екатеринбург, высшая школа, Уральский государственный университет им. А. М. Горького, студенчество, социальная история, история повседневности, устная история, интервью.

Исторических исследований, посвященных осмыслению социальных перемен, происшедших в 1990-е гг., пока немного. Общеизвестны монографические работы маститых авторов [4], [5]. Существенный вклад в изучение этого периода, в том числе в контексте тематики данной статьи, внесли социологи [1], [3], [6], [7]. Анализ публикаций академических и вузовских периодических изданий Урала за 1998–2018 гг., основанный на гипотезе актуализации исследования таких важных для высшей школы проблем, как поддержание авторитета университетов в обществе, специфика реакции преподавательской и студенческой среды на постперестроечные перемены, коммерциализация высшего образования и др., отразил слабую востребованность современными уральскими историками указанной проблематики. Целесообразным представляется назвать лишь работы, посвященные анализу политического сознания молодежи [2]. В этой связи хотелось бы отметить опубликованную в пяти книгах монографию профессора Уральского Федерального университета (УрФУ) А. В. Черноухова. Событийное повествование об историческом факультете Уральского государственного университета им. А. М. Горького (УрГУ) охватывает 80-летний период, включая и интересующую нас эпоху [8], [9]. В работе, основанной на внушительном массиве источникового материала,

представлен многоцветный спектр университетской повседневности: от документальных деталей учебного процесса, страниц научной и общественной деятельности преподавателей и студентов истфака, характеристики его кадрового состава до бытовых подробностей студенческой жизни.

С целью изучения повседневных практик в сфере высшего образования, а также восприятия представителями вузовской среды тех перемен, которые принесли с собой 1990-е как в систему вузов, так и в социально-политическую жизнь российского общества, было проинтервьюировано 10 представителей университетского сообщества — студенты исторического факультета УрГУ 1990-х гг. На момент опроса «бывшие студенты 1990-х» занимают должности профессорско-преподавательского состава, имея научные степени и ученые звания, то есть их оценочные суждения и воспоминания можно квалифицировать как взгляды университетских преподавателей определенного поколения. Лишь один из опрошенных не принадлежит к этой категории, так как выбрал после окончания вуза не научную, а предпринимательскую стезю [Интервью 7].

Участники интервью отвечали на разнообразные вопросы, сгруппированные в тематические блоки, которые касались их студенческой повседневности: обстоятельства

поступления на исторический факультет УрГУ, причины выбора вуза и специальности; место университета и истфака в иерархии уральских вузов и других факультетов; учебный процесс, взаимоотношения с преподавателями; внеучебная жизнь; студенческий быт, общение в студенческой среде и др. Транскрибированные тексты составили довольно значительный по объему массив сведений.

Большинство интервьюируемых объясняет выбор исторического образования увлечением историей в школьные годы. Нередко юных абитуриентов привлекал романтизированный образ историка-археолога или архивиста (в изучаемый период на историческом факультете велась подготовка по двум специальностям: преподаватель истории и историк-архивист), тогда как роль школьного учителя была им наименее интересна. *«Археология меня пленяла романтикой, еще школьницей мне было интересно читать про Шлимана, про раскопки Египта»* [Интервью 3]. *«Я по натурности думал, что если я пойду на “историю”, то буду преподавателем, а если пойду на “архив”, то я буду сидеть в архиве — и с историческими документами работать, и заниматься наукой. Поэтому я пошел на “архив”»* [Интервью 1]. Другой респондент вспоминает, что начало 1990-х — это *«время открытий»*. Кроме *«реализации мечты детства»*, выбор профессии историка подкреплялся тем, что *«отношение к истории становилось совершенно особым ... сама история менялась прямо на глазах... Перестало существовать государство, в котором мы жили. Та история, которую мы еще недавно учили в школе, еще несколько лет назад, — вдруг оказалось, что это и не история вовсе, а какой-то вариант государственно-партийной пропаганды...»* [Интервью 4].

Однако, если у студентов и были планы заниматься наукой, высшая школа в 1990-е не могла предоставить широких возможностей для реализации этих планов. Причину респонденты видели в *«трудной»* и *«сложной»* экономической ситуации, при которой поездка на студенческую конференцию за пределы Екатеринбурга, а особенно в столицу, воспринималась как *«событие»* [Интервью 1]. Университет мог предложить лишь внутривузовские конференции по итогам защиты

курсовых работ. Наиболее активные участвовали в городских конференциях, например, выступали на *«Татищевских чтениях»*, находили возможность публиковаться, пусть даже и в органах массовой периодики, таких как газета *«Вечерний Екатеринбург»* [Интервью 9].

В одном из интервью студентка первых наборов в магистратуру по истории подробно, с позиций сегодняшнего преподавателя, рассказывает о переходе на двухуровневую систему образования. *«Первые выпуски магистратуры были очень странным понятием. ... Что такое магистратура, тогда никто не знал. ... И мы вообще никак не выделялись из всей массы тех, кто учился пять лет и получал диплом специалиста»* [Интервью 3]. В итоге главной составляющей и преимуществом магистерского образования стали кандидатские минимумы по иностранному языку и истории, а также 300 часов спецкурсов, которые должны были *«набрать»* сами магистранты [Там же].

«Тяжелое время», «сложное время», как характеризуют эпоху 1990-х нынешние преподаватели истфака [интервью 5, 7, 8, 9, 10], вынуждало студентов подрабатывать, занимаясь зачастую не требующей высокой квалификации деятельностью. *«За годы обучения я, допустим, сам поработал и грузчиком, и охранником, и сборщиком подписей на предвыборных кампаниях, и расклейщиком объявлений, — то есть, по сути дела, брался за все, что давало деньги»* [Интервью 8]. Работа на предвыборных кампаниях заключалась в распространении агитационных листовок или сборе подписей за определенного кандидата. При этом, очевидно, эта деятельность воспринималась студентами именно как заработок, а не как выражение политических взглядов. *«За кого только я не подписывал», — признавался один из информантов* [Интервью 1]. В то же время, большинство отметили, что подрабатывать начали лишь на старших курсах. А представители поколения студентов, обучавшихся на рубеже 1990–2000-х гг., и вовсе говорят, что работали меньше, чем современные студенты [Интервью 2, 5]. К концу изучаемого десятилетия, действительно, произошла некоторая стабилизация экономической ситуации на факультете, если иметь ввиду материально-техническое оснащение учебного процесса

и оформившуюся систему получения образования на контрактной основе. Времена задержек и невыплат стипендии, характерные для первой половины 1990-х, остались позади.

Отношение студентов к дефолту отражает свойственные возрасту оптимизм и отсутствие жизненного опыта: «Студенты все воспринимали это просто со смехом, с шутками, потому что ведь ни у кого не было кредитов, взятых на двадцать миллионов долларов... Не почувствовали мы это. Но на стипендии это отразилось...» [Интервью 6]. В восприятии более тяжелого в экономическом плане периода начала 1990-х также не слышится трагических нот: «Первая половина 1990-х гг., она вообще какая-то голодная... помню, регулярно, например, я лично варила геркулес и была этим вполне довольна. ... особых проблем в этом я не видела. Потом, с курса третьего, все уже начали подрабатывать, и уже можно было себе (что-то) купить...», — вспоминает студентка первого постсоветского десятилетия [Интервью 9].

Питание студентов 1990-х — отдельная и довольно яркая страница в их воспоминаниях. Участники интервью упоминают о том, что в студенческие годы они полноценно питались лишь один раз в день. Особенно это было распространено у тех, кто проживал в общежитии. Среди причин этого можно выделить две основные, характеризующие изучаемый период. Во-первых, низкие финансовые возможности в контексте общей неблагоприятной экономической ситуации. В этих обстоятельствах домашние обеды — наиболее подходящая практика питания. Естественно, вероятность их регулярного приготовления студентами в общежитии гораздо меньше, чем у студентов, проживавших с родителями. «Мы ели один раз в день. Утром чай с хлебом, без масла, естественно. Днем мы варили... Моя подруга от родителей привозила картошку, картошку в каком-то там виде. Вечером чай. Все. Наше питание такое было. Очень скудное. ... супы в пакетиках» [Интервью 10]. «Утром ничего не успеваешь покушать, днем — нигде. ... А вечером — что приготовишь в общежитии. Но это только вечером» [Интервью 6]. «Бывало, по глупости, оставишь еду на плите, ... отойдешь на пару минут, так сопрут же! Я, признаюсь, и сам однажды, уж не знаю зачем,

две огромные недоваренные картошки стащил, все пальцы обжег, пока их в карман клал (смеется)» [Интервью 7]. Во-вторых, первое постсоветское десятилетие от сегодняшнего дня отличалось отсутствием инфраструктуры общепита. «Тогда кафе не было, а если были, то очень дорогие [Там же]. На вопрос: «А столовые?» респондент отвечает: «Столовые были, но все было далеко отсюда» [Там же]. Обращает на себя внимание то, что не упоминается университетская столовая: к ней у студентов 1990-х гг. было очень негативное отношение. «Столовая была, но невкусно было там ... Я такую еду вообще не могла есть. Во-первых, это денег стоило, мне не хватало на это денег, даже на столовую не хватало. В целях экономии мы дома (имеется ввиду общежитие) ели» [Интервью 10]. Другая студентка, учившаяся на истфаке УрГУ в начале 1990-х, вспоминает такой случай: «Подходим к дверям столовой... Там висит большая такая картинка формата А3, на ней нарисован красивый щенок, а внизу написано "А хочешь настоящей собачьей еды?" ... Эти скандалы по поводу грязной посуды, плохо приготовленной пищи, они присутствовали, и нам столовая не нравилась... Мы ... активно пользовались не столовой, а буфетами, которые появились тоже где-то в середине 90-х» [Интервью 9].

Университетские буфеты пользовались большой популярностью среди студентов 1990-х гг. Самый известный располагался в переходе между главным корпусом и тем зданием, где находился истфак. «Переход» представляет собой огромный холл — традиционное место концентрации учащихся и преподавателей в минуты учебных перерывов. В рассказах об этом месте слышится ностальгия, как о буфете «у дяди Миши», или «у Таракана» (студенты, воспитанные на сказках Корнея Чуковского, наградили буфетчика этим прозвищем из-за колоритных усов). Здесь можно было не только выпить кофе, в который совершенно официально, согласно меню, добавлялся коньяк, но и провести длительное время за общением — основной формой досуга. Именно здесь студенты 1990-х прогуливали занятия, коротая время за очередной сигаретой. Интересно, что курение в помещении университета было не единственной формой девиант-

ного, с сегодняшней точки зрения, поведения. В «переходе» встречались ребята, распивающие пиво и другие слабоалкогольные напитки. Нельзя сказать, что подобные формы времяпрепровождения поощрялись администрацией вуза, однако серьезно не пресекались.

Бедой 1990-х стало распространение наркотиков. Тексты интервью свидетельствуют о слухах и фактах употребления наркотиков в стенах университета, особенно, в общежитии. Криминогенная ситуация проявлялась также в форме краж в учебных зданиях и даже рэкета стипендии у старост. [Интервью 1, 5, 8]. Это поставило руководство университета перед необходимостью введения пропускного контроля в здания УрГУ.

До привлечения специализированных структур функцию охраны порядка в университете взял на себя студенческий отряд «Скиф», созданный студентами-историками в 1993 г., изначально — для обеспечения спокойствия в общежитии. *«В основном, ребята с рабфака, армейцы... Собрались однажды и решили, что надо, наконец, создавать структуру, которая будет поддерживать порядок...»* [Интервью 8]. Данный факт студенческой самоорганизации интересен тем, что, по свидетельствам студентов и преподавателей, такая форма в большей степени характерна для периода перестройки — периода, в сравнении с которым в 1990-е гг. произошло снижение социально-политической активности студентов. Они больше не пытались воздействовать на образовательный процесс, требуя замены преподавателей, не устраивали стихийных митингов в коридорах факультета, даже политическая тематика перестала быть интересной студентам, о чем вспоминают все участники опроса. Студент 1990-х не перестал быть активным, но вектор самореализации сместился на другие проблемные контексты. Яркий пример — реакция на криминогенную обстановку в университетских общежитиях.

Также представляет интерес самоорганизация учащихся в условиях фактического отсутствия досуговой инфраструктуры. В интервью упоминаются два факта попыток создания тренажерных залов во второй половине 1990-х гг. [Интервью 6, 9]. Во втором случае удалось привлечь средства и создать каче-

ственную спортивную среду. *«Руководство нашего общежития пошло нам навстречу и сумело выбить очень большую сумму для спортивных снарядов Кеттлер ... Многие люди, уже отучившись в университете, туда приезжали заниматься спортом»* [Интервью 6]. В основном же реализовывать потребность в занятиях спортом студенты могли лишь на открытых площадках.

Кроме общения и спорта, наиболее распространенной формой досуга для студентов исторического факультета в 1990-х гг. было чтение. *«Мы много тогда читали. У нас основная культура была книжной культурой»* [Интервью 9]. *«Читали все, что появлялось нового»* [Интервью 8]. *«Книг читали много, их передавали друг другу ... Брели и в библиотеке, и покупали также сами»* [Интервью 2]. В данном контексте примечателен и, видимо, характерен для студенчества поколения 1990-х, следующий ответ на вопрос: «На что преимущественно тратилась стипендия?» Одна из участниц ответила: *«В основном: еда и книги»* [Интервью 9]. Местом, где происходили общение, чтение, подготовка к семинарам, был так называемый «исткаб» — Исторический кабинет — факультетская библиотека с небольшим читальным залом. *«И библиотеки, и исткаб были полным-полны, мест не хватало. Все предпочитали еще о чем-нибудь поговорить, о чем-нибудь поспорить»* [Интервью 8]. *«Был, конечно, исткаб, но там нужно было место занять, потому что он все время был «забит» ... Встречи назначались именно у исткаба»* [Интервью 10]. Любили студенты истфака также встречаться просто в коридоре и в небольшой рекреации, где стоял круглый стол. Среди популярных разговоров — обсуждение произведений музыки и кинематографа. В большинстве своем студенты-историки интересовались зарубежным кино, а также русской и иностранной рок-музыкой [Интервью 2, 7, 9].

На истфаке всегда были сильны традиции, они неизменно из года в год транслировались от старших курсов к младшим. Известны самодельные песенные буклеты, содержание которых многие поколения студентов-истфаковцев знали наизусть. К наиболее любимым факультетским мероприятиям можно отнести ежегодные Дни первокурсника и Дни истори-

ка, куда обязательно приходили выпускники разных лет, чтобы встретиться с однокурсниками. Не пропускало студенческое сообщество политических КВНов, набравших популярность в период позднего социализма под звучным наименованием «Политбой». Не удивительно, что все участники опроса использовали словосочетание «дух истфака». Особую роль в формировании корпоративности играла и факультетская праздничная культура. Упомянутые Дни историка и Дни первокурсника были площадкой творческой самореализации не только студентов, но и преподавателей. Студенты 1990-х отмечают высокий уровень юмористических и театрализованных постановок, слава о которых не затихала многие годы, продолжая жить в форме легенд у последующих студенческих поколений. *«Было особое какое-то поколение студентов историков, очень умных, очень творческих, очень нестандартно мыслящих. Первая половина 90-х в нашей студенческой жизни ... была насыщена разного рода героями ... прошлых лет»* [Интервью 9].

В рассматриваемые годы складывается, как результат снятия идеологических запретов, новая праздничная культура в виде празднования «Хэллоуина», костюмированных «Баллов Волланда» и различных «сейшнов» [Интервью 2, 6, 8, 9].

Подводя итог, следует подчеркнуть важность источниковедческого контекста в условиях актуализации научного осмысления социальной проблематики первого постсоветского десятилетия. В решении вопросов выявления, сбора и аккумуляции исторических источников перспективным представляется дискурс устной истории. Так, по результатам проведенного устно-исторического исследования показателен объем текстов, полученных после транскрибирования устных записей — в среднем 20 страниц на одно интервью. Информационный спектр их довольно широк: учебный и образовательный процесс; научная деятельность; студенческие организации, неформальный группы; выездные учебные практики, внеучебные мероприятия и праздники; университетская инфраструктура и студенческий быт; финансовые обстоятельства; политическая активность; криминогенная ситуация и прочее. Помимо спектра освещаемых вопросов, хотелось бы обратить внимание на достаточно важную подробность: восприятие прошлого вузовскими преподавателями истории подчинено профессиональным навыкам, сформировавшемуся аналитическому взгляду, стремлению к аргументированным оценкам, что в совокупности придает особую источниковую ценность их интервью.

Yulia A. ROUSINA & Evgenii S. IANTSEVICH

Students' Everyday Life in the "Dashing 1990s": Based on Oral Interviews with Lecturers of the Faculty of History of the Ural Federal University

Abstract. This study is devoted to the period of the 1990s, which had an impact on many processes in the modern Russian society. The history of the everyday life of the first post-Soviet decade, due to a small chronological distance, is promising for a study within the framework of the oral-historical discourse. The aim of the article is to analyze everyday practices in the field of higher education, as well as the perception of the changes that the 1990s brought both to the university system and to the socio-political life of the Russian society, based on oral history methodology.

The sources for the study were ten in-depth interviews of professors of the Faculty of History of the Ural State University named after A.M. Gorky (USU, now the Ural Federal University) who studied at this university in the period under study. At the time of the survey, the "former students of the 1990s" held positions of teaching staff, having academic degrees and titles, that is, their evaluative judgments and memories can be qualified as views of university professors of a certain generation. During the interview, participants answered various questions grouped into thematic blocks: circumstances of entering the USU Faculty of History, reasons for choosing the university and the specialty; the place of the university and the Faculty of History in the hierarchy of the Ural higher educational institutions and

other faculties of the university; the educational process, relationships with professors; extracurricular life; student life, communication in the student environment. The interviews also touched upon the questions of the first intakes of the master's programs, options for student earnings, the range of food in student canteens and cafeterias, the problem of drug trafficking among students and the reaction of students to the exacerbation of the criminal situation, the channels of passing on faculty traditions, etc.

Thus, as a result of the research, the important aim of involving the materials of interviewing participants of events with a significant informational potential, which allow to consider a wide range of issues, from general social and political problems to educational and everyday details of the life of post-Soviet students, has been reached. The specificity and significance of the analyzed interviews as historical sources is associated with their belonging to university history professors, whose perception of the past is influenced by their professional skills, formed analytical view and desire for reasoned assessments.

Keywords: 1990s, Middle Urals, Yekaterinburg, higher school, Ural State University named after A.M. Gorky, students, oral history, social history, history of everyday life, oral-historical interview.

Примечания:

Источники:

- Интервью 1: А. А., мужчина, 1975 г. р.
 Интервью 2: Е. Б., женщина, 1982 г. р.
 Интервью 3: Н. К., женщина, 1975 г. р.
 Интервью 4: Н. П., мужчина, 1974 г. р.
 Интервью 5: О. С., мужчина, 1980 г. р.
 Интервью 6: Р. Г., мужчина, 1980 г. р.
 Интервью 7: С. К., мужчина, 1972 г. р.
 Интервью 8: С. С., мужчина, 1969 г. р.
 Интервью 9: С. И., женщина, 1973 г. р.
 Интервью 10: Т. К., женщина, 1972 г. р.

Notes:

Sources

- Interview 1: A.A., male, born 1975
 Interview 2: E.B., female, born 1982
 Interview 3: N.K., female, born 1975
 Interview 4: N.P., male, born 1974
 Interview 5: O.S., male, born 1980
 Interview 6: R.G., male, born 1980
 Interview 7: S.K., male, born 1972
 Interview 8: S.S., male, born 1969
 Interview 9: S.I., female, born 1973
 Interview 10: T.K., female, born 1972

Использованная литература:

1. Беликова Л. Ф. Отношение студентов к внеучебной деятельности в вузе // Социологические исследования. 2000. № 6. С. 51–57.
2. Бояршинова И. М. Молодежные объединения Южного Урала в 1990–2000 гг. // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2012. № 3. С. 42–46.
3. Вишневецкий Ю. Р., Шапко, В. Т. Студент 90-х: социокультурная динамика // Социологические исследования. 2000. № 12. С. 56–63.
4. Геллер М., Некрич А. История России 1917–1995: В 4 т. Т. 4. Глазами историка. Россия на распутье. 1990–1995. М.: «МИК», «Агар», 1996.
5. Гордон Л. А., Клопов Э. В. Потери и обретения в России девяностых. Историко-социологические очерки экономического положения народного большинства: В 2 т. М.: Эдиториал УРСС, 2000–2001.
6. Емельянов В. В. Студенты об адаптации к вузовской жизни // Социологические исследования. 2001. № 9. С. 77–82.
7. Карпунин О. И. Молодежь России: особенности социализации и самоопределения // Социологические исследования. 2000. № 3. С. 124–128.

References:

1. Belikova, L.F. (2000) Otnoshenie studentov k vneuchebnoy deyatel'nosti v vuze [Students' attitude to extracurricular activities in the university]. *Sociologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 6. pp. 51–57.
2. Boyarshinova, I.M. (2012) South Ural Youth Organizations in 1990–2000. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Vestnik of Orenburg State Pedagogical University*. 3. pp. 42–46. (In Russian).
3. Vishnevskiy, Yu.R. & Shapko, V.T. (2000) Student 90-kh: sotsiokul'turnaya dinamika [Student of the '90s: sociocultural dynamics]. *Sociologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 12. pp. 56–63.
4. Geller, M. & Nekrich, A. (1996) *Istoriya Rossii. 1917–1995* [History of Russia. 1917–1995]. Vol. 4. Moscow: "MIK", "Agar".
5. Gordon, L.A. & Klopov, E.V. (2000–2001) *Poteri i obreteniya v Rossii devyanostykh. Istoriko-sotsiologicheskie ocherki ekonomicheskogo polozheniya narodnogo bol'shinstva* [Losses and hits in the nineties in Russia. Historical and sociological essays on the economic situation of the majority of the people]. Vols 1–2. Moscow: Editorial URSS.
6. Emel'yanov, V.V. (2001) *Studenty ob adaptatsii k vuzovskoy zhizni* [Students about adapting to college life]. *Sociologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 9. pp. 77–82.

8. Черноухов А. В. Исторический факультет Уральского государственного университета. 1970–1991. Екатеринбург: Изд-во Уральск. ун-та, 2016.

9. Черноухов А. В. Исторический факультет Уральского государственного — Уральского федерального университета. 1992–2018. Екатеринбург: Изд-во Уральск. ун-та, 2018.

7. Karpukhin, O.I. (2000) *Molodezh' Rossii: osobennosti sotsializatsii i samoopredeleniya* [Youth of Russia: Features of socialization and self-determination]. *Sociologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 3. pp. 124–128.

8. Chernoukhov, A.V. (2016) *Istoricheskiy fakul'tet Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. 1970–1991*. [Faculty of History, Ural State University. 1970–1991]. Yekaterinburg: Ural State University.

9. Chernoukhov, A.V. (2018) *Istoricheskiy fakul'tet Ural'skogo gosudarstvennogo – Ural'skogo federal'nogo universiteta. 1992–2018*. [Faculty of History, Ural State – Ural Federal University. 1992–2018]. Yekaterinburg: Ural State University.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Русина Ю. А. Студенческое бытие в «лихие 1990-е»: по материалам устных интервью преподавателей исторического факультета Уральского федерального университета [Электронный ресурс] / Ю. А. Русина, Е. С. Янцевич // *Наследие веков*. – 2019. – № 2. – С. 52-59. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2019/06/2019_2_Rousina_Iantsevich.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Rousina, Yu. A. & Iantsevich, E. S. (2019) Students' Everyday Life in the "Dashing 1990s": Based on Oral Interviews with Lecturers of the Faculty of History of the Ural Federal University. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 2. pp. 52-59. [Online] Available from: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2019/06/2019_2_Rousina_Iantsevich.pdf (Accessed: dd.mm.yyyy). (In Russian).